

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

Роковая красота

ИСТОРИЯ О НЕЗРЯЧЕМ
ХУДОЖНИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Геннадий Логинов

**Роковая красота. История
о незрячем художнике и не только**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Роковая красота. История о незрячем художнике и не только /
Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856084-2

Народная молва, изначально начинавшаяся как ложь и клевета, иногда становится правдивой. К примеру, когда тот, кого все почитают за чудовище — из-за травли действительно становится таковым. В то же самое время, истинная угроза может исходить совсем не от того, что кажется таинственным и зловещим, но от чего-то банального, абсурдного, не требующего какой-либо мистики.

ISBN 978-5-44-856084-2

© Логинов Г.
© Издательские решения

Роковая красота

История о незрячем художнике и не только

Геннадий Логинов

Живопись – занятие для слепцов. Художник рисует не то, что видит, а то, что чувствует.

Пабло Пикассо

© Геннадий Логинов, 2019

ISBN 978-5-4485-6084-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дар красоты всегда был для Манон медалью о двух сторонах. Это была не просто естественная красота, которой люди любят и восхищаются. Безусловно, мужчинам нравились красавицы, что вызывало у прочих дам зависть и ревность, однако это не всегда мешало красивым женщинам прожить счастливую жизнь. Но для Манон красота была настоящим бедствием. Мужчины не просто влюблялись в неё, они сходили с ума, начинали грезить и бредить, не способные, увидев её, мыслить о ком-либо другом. Они кричали под её окнами и били стёкла, не давали прохода, ломались в двери, бросали семьи, вскрывали себе вены, стрелялись, топились, вешались, а то и угрожали покончить с ней, если она не ответит на их чувства взаимностью. А что до женщин – те дружно ненавидели и презирали её, считая ведьмой, разлучницей, распоследней шлюхой и подколотной змеей.

Но «распоследняя шлюха» и «ведьма» была религиозна и девственна, и в том, что происходило вокруг, не было ни её вины, ни желания. Нездоровая реакция окружающих мужчин совершенно не радовала девицу, а из-за женщин, готовых заклевать её, подобно своре озлобленных куриц, она боялась выходить даже в церковь (не говоря о том, что молодой священник, впервые повидавший Манон, и тот с тех пор был вынужден бороться с настойчивыми мыслями и желаниями).

В детстве ей умилялись, до поры до времени видя в крошке Манон лишь маленького ангела, однако девочка выросла, став вызывать противоестественное влечение у отца и братьев, результатом чего стало её раннее бегство из дома. Скитаясь, будто прокажённая и проклятая, она пыталась скрывать свою внешность и выглядеть как можно более незрочно, не в силах лишь изуродовать себя, совершив грех и предав красоту. При этом сама Манон не наблюдала в себе чего-либо особенного, не понимая, что в ней такого находят, и подозревала, что дело здесь не просто во внешности. Но, рано или поздно, самые рассудительные из мужчин начинали сходить по ней с ума, а женщины – впадать в ярость, готовые растерзать её без суда и следствия.

Живя за счёт случайных подработок, она не могла останавливаться нигде подолгу. Будь на её месте девушка с другими принципами – та могла бы крутить людьми, как марионетками, выжимая все соки на пути к комфорту, богатству и славе. Но она была собой, и никем иным.

Оказавшись в очередном городе, она, совершенно неожиданно для себя, сумела найти новую работу. Нельзя сказать, что несколько необычное предложение тотчас же привлекло и обрадовало её. Напротив, она сомневалась и, говоря откровенно, боялась. Но выбирать было не из чего. Вместе с тем, других желающих всё равно не наблюдалось, что увеличивало её шансы быть принятой на службу и вместе с тем заставляло лишний раз призадуматься в необходимости такого решения.

В этом месте обитал один загадочный человек, казавшийся большинству горожан опасным и жутким. Он не был нелюдимым затворником, как многие одинокие люди его возраста; напротив, его часто видели в парке кормящим голубей или прогуливающимся вдоль городского канала. И каждый раз мсье Десмонд сопровождал цепной поводырь – огромный, словно небольшая лошадь, пёс по прозвищу Баргест, напоминавший местным жителям адскую гончую. Говорили, что этот веющий холодом человек, проживающий в старинном мрачном особняке на окраине города и носящий одежду старомодного фасона, некогда был художником и, по словам старожилов, в молодости то и дело писал городские пейзажи. Однако в пору его молодости сами они (ныне дряхлые и полубезумевшие старики, тихо доживающие свои дни в окружении внуков или за стенами лечебниц), по сути, были малыми детьми. Он же – и по сей день создавал у всех впечатление бодрого и здорового человека. Разумеется, было заметно, что дни его юности остались далеко позади, но определить точный возраст сего почтенного джентльмена не представлялось возможным.

Очки с затемнёнными стёклами скрывали неприятное зрелище от случайных прохожих, трость с набалдашником в виде латной перчатки выстукивала по мостовой, перстень-печатка на безымянном пальце содержал непонятный символ, кудрявые волосы и мушкетёрские усы смотрелись гармонично, но – несколько нетипично для здешних мест. Каким-то непостижимым образом этот необычный аристократ угадывал встречаемых горожан, здороваясь с ними по имени, даже если те молчали и не были с ним знакомы. После этого многие старались поскорее пройти дальше не оборачиваясь.

Граждане пытались переходить на другую сторону улицы или менять маршрут при его приближении, и даже самые просвещённые из них, отвергавшие всевозможные домыслы и суеверия, полагали, что этого странного господина надлежит сторониться. Тем не менее – он стремился к местам народных скоплений, посещал рестораны, лавки и театр, куда проводил и своего пса-поводыря, без которого, по его заявлениям, не мог обходиться. И хотя присутствие лохматого чудовища не радовало окружающих, возражать они не осмеливались.

В то же время наблюдая за тем, как Десмонд обслуживает себя за столом, никто не замечал, чтобы он испытывал какое-либо затруднение или неудобство. Сам же он активно интересовался происходящим в городе и в мире, то и дело приобретал новые книги, произведения искусства и иные предметы, на первый взгляд казавшиеся совершенно бесполезными для него: например, микроскоп или старинную лампу.

Исключение в этом плане составляли разве что пластинки, которые, по его словам, он слушал целые сутки напролёт лишь затем, чтобы в его опустевшем особняке звучала хоть чья-либо речь, скрашивая старческое одиночество.

Особый интерес коллекционер проявлял к антиквариату. При этом все те, кто был вынужден иногда общаться с ним по долгу службы, будь то городские чиновники, продавцы или официанты, вели себя настолько лаконично, намекая всеми возможными способами, что общество данного собеседника и посетителя им неприятно, что это граничило с хамством.

О нём ходили многочисленные слухи, в правдивость большинства из которых верилось с огромным трудом, в то время как некоторые вполне походили на правду. К примеру, согласно устоявшемуся мнению, его средневековые предки некогда являлись полновластными владельцами города и всех окрестных земель, и старые сооружения по сей день хранили на себе следы старинной фамилии. Во времена Реформации этих людей изгнали из здешних мест как приверженцев папской власти, и в родовом поместье вскоре обосновались иные владельцы, которые, впрочем, прожили там недолго, умерев от новой вспышки чумы, после чего кругом воцарился застой и долгое время никто не обитал.

Место, где нынче находился особняк, и раньше пользовалось дурной славой: говорят, когда-то на этом месте располагалось языческое капище и приносились кровавые жертвы. Позднее, в соответствии с указом Папы Григория Великого, на месте этого капища, как и мно-

гих других, была возведена церковь, сооружённая на обломках языческих руин. Алтарь не возводился ради церкви, напротив, это церковь возводилась ради алтаря; и постройки на местах капищ преследовали несколько целей, символизируя торжество новой веры над старой, вместе с тем экономя на строительстве, лишая язычников места, куда можно было бы ходить в качестве альтернативы новой церкви, в которую они начинали ходить уже и по старой памяти, постепенно приобщаясь к новым идеалам. Рассказывали, что, когда новую церковь освящали в те незапамятные времена, земля сотряслась, а в воздухе стояли крики бежавших в страхе бесов. И, несмотря на старания нечистой силы, церковь тогда устояла, но позднее её разрушили сами люди, пришедшие с огнями в руках и новыми идеями на устах.

Со временем на старое место вернулся потомок изгнанных дворян, по слухам имевший в своём роду славу отщепенца и заблудшей овцы. Приобретя участок земли, он возвёл на нём особняк, который вскоре оброс дурной репутацией. Говорили, что владелец возродил в его стенах языческие обряды, в ходе которых совершаются нечестивые ритуалы, включающие в себя питье крови с поеданием младенцев и всевозможных человеческих выделений. Слуги то и дело сбегали, сходили с ума, впадали в одержимость или становились жертвами несчастных случаев. А одного городского сумасшедшего, безобидного немого дурачка, нелёгкая однажды занесла в особняк без спроса, после чего он был найден на улице избитым и в лихорадке, с вырезанной на спине пентаграммой. Говорят, при этом он обрёл речь и даже выкрикивал что-то на арамейском, как позднее установил один местный профессор. Бедолагу доставили в лечебницу, но, к сожалению, для него уже было слишком поздно.

С тех пор прошло уже немало лет, и многие годы постоянным обитателем особняка оставался единственный человек – Десмонд, экстравагантный коллекционер редкостей, эрудит, художник и скульптор. Или, как полагали некоторые, он мог быть единственным *известным* обитателем особняка, в котором официально проживал один.

Наследник немалого состояния, он был неприветлив в быту и совершал регулярные пожертвования на благотворительные нужды, в том числе и на церковь. Но никакие деньги не могли купить уважение и любовь сограждан.

С годами в особняке появился и Баргест, привезённый Десмонду подозрительным гостем неизвестно откуда. Неприятный и грубый, напоминавший скорее даже не человека, а дикого зверя в человеческой одежде, этот косматый тип с гнилыми зубами на время приковал к себе внимание всех окрестных обитателей, пустившихся во всевозможные слухи и пересуды о его дикой внешности и причинах приезда, но вскоре бесследно исчез – так же неожиданно и незаметно, как и возник. А жуткий пёс неизвестной породы, ко всеобщему сожалению, остался, сделавшись одним из неотъемлемых атрибутов хозяина.

Теперь же, находясь на склоне своих лет и не имея наследника, Десмонд, по всей видимости, отважился на авантюру. Согласно объявлению, обнаруженному Манон, мсье Десмонд с сожалением сообщал о том, что его некогда цветущий и красочный особняк ныне пребывает в упадке и запустении, в то время как самого владельца гнетут тоска и жажда доверительного общения, в связи с чем он приглашает к себе ту, кто согласится оживить и разнообразить его серые будни. Утверждалось, что от гостьи не потребуется ничего такого, что могло бы хоть как-либо затронуть её честь и доброе имя: она всего лишь должна жить в доме пожилого аристократа; беседовать с ним на различные темы; читать вслух книги, которые он сам, по причине известных обстоятельств, уже был не в состоянии прочесть; в меру возможностей помогать одинокому холостяку поддерживать в его владениях чистоту, уют и порядок; сопровождать его на прогулках и посещать с ним различные места, будь то салон или театр, и вдохновлять его на творческие свершения. Она должна была стать не домоправительницей и не сиделкой, но музой последних лет увядающего художника, от которой тот не требовал ни пламенной любви, ни крепкой дружбы, но ожидал внимания и заботы. В благодарность она могла рассчитывать на то, что будет жить в его владениях подобно дочери при любящем отце, а когда

настанет день и мсье Десмонд завершит свой жизненный путь в обозначенный Богом час – унаследует всё, что принадлежит ему на этой грешной земле. При этом она должна была отдать ему последнюю дань уважения, продержав тело в особняке и просидев вблизи до тех пор, пока не обнаружит явные признаки начала разложения. Мсье Десмонд панически опасался быть погребённым заживо, по причине чего даже установил в фамильном склепе колокол, чтобы дать о себе знать на тот случай, если подобное вдруг случится, и спроектировал свой собственный гроб таким образом, чтобы его было возможно открыть изнутри. Далее, убедившись в кончине мсье Десмонда, девушке надлежало продержать его тело ещё три дня, чтобы каждый желающий мог с ним проститься. При этом она должна была оказывать внимание всем гостям, следить за тем, чтобы сутки напролёт звучали его любимые пластинки, читать ему его любимую книгу, а потом – организовать поминки и носить траур не менее трёх месяцев.

Всё это звучало для Манон, по меньшей мере, довольно жутко. И, вместе с тем, она никогда не обладала цинизмом и меркантильностью, поэтому даже желание обрести собственный уголок не толкнуло бы девушку заслужить его подобным путём. Но усмотрев в сообщении мсье Десмонда отчаянный крик души одинокого человека, не имеющего ни друга, ни товарища, за исключением пса-поводыря, она испытала целую гамму смешанных чувств, самым сильным из которых, пожалуй, было сострадание. Она понимала и разделяла боль несчастного, всеми отвергнутого человека, которого даже некому было похоронить – разве что только назначенному исполнителю за средства из городского бюджета, после чего городские власти распродают бы его имение вместе со всем содержимым с молотка ввиду отсутствия наследников.

С одной стороны – ей было по-настоящему жаль страдающего незрячего человека, и она была готова проявить к нему милосердие безо всяких условий, просто по доброте душевной; с другой – ей действительно нужны были крыша над головой и средства на существование; поэтому она приняла решение попробовать пожить у мсье Десмонда хотя бы некоторое время, надеясь на его слово джентльмена и решив, что если что-то пойдёт не так, тотчас же развернуться и уйти.

В конечном итоге решимость пересилила страх, и Манон направилась в сторону старинного особняка. Жители указали ей дорогу, но прежде насторожились и поразились тому, что кто-то по доброй воле направляется в это недоброе место, а рассмотрев Манон получше, начали проявлять к ней особенный интерес. По этой причине Манон старалась лишний раз не попадаться кому-либо из местных жителей на глаза и не вступать в разговоры без крайней необходимости, как можно быстрее проходя каждую улицу. В итоге то, что ей довелось узнать, было довольно скупо, но вместе с тем отображало общую картину: особняк был рассадником бесовщины, и в нём обитал колдун с ручным монстром, а по ночам за окнами горел ненужный для владельца свет и раздавались какие-то чудовищные крики и странные звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.